

УДК 001(09)
DOI 10.17223/22220836/18/17

И.А. Крайнева

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ АРХИВ УЧЕНОГО КАК ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассмотрены механизмы создания и реализации потенциала персональных архивов ученых как проявления идентичности и историчности, как способа ориентации человека в мире. Создание архивов классифицируется как потребность социально-культурной и профессиональной идентификации и обусловлено желанием подчеркнуть индивидуальность за счет расширения идентифицирующих дескрипций, которые материализованы в различных свидетельствах. Анализ использования архивов в исследовательской практике позволил проследить процесс «замещения» индивида артефактами его архива.

Ключевые слова: идентичность, партиципация, адаптация, персональный архив, нарративный субъект.

В последнее время в теории современной культуры большое внимание уделяется проблеме трансформации памяти: национальной, локальной, индивидуальной [1]. В этой связи актуализируется проблема архивов как феноменов культуры, как хранителей памяти и в то же время как средства ее регулирования, легализации памяти и забвения. Ужесточение контроля над архивами, включение механизма жесткого регулирования доступности информации входит в противоречие с задачами исторической науки, стремящейся к постижению прошлого на базе широкого круга источников. В данной статье мы рассматриваем феномен персональных архивов ученых, созданных в XX в. Помимо того, что создатели этих архивов явно рассчитывали на то, что документы будут сохранены и изучены, они вкладывали в них определенные смыслы, придавали им значение, которое мы должны понять.

Многолетний опыт работы с персональными архивами ученых заставил задуматься, какие механизмы задействованы в процессе создания архивов, что ими движет? Некоторое объяснение может быть сформулировано в терминах идентичности/идентификации и историзма, в личностном обретении историчности через идентификацию особого рода – формирование коллекции артефактов, архива. Ученый реализует себя в науке через публикации, общение с коллегами и учениками, институции. Но ему требуется и другая форма идентификации, подтверждения своей причастности не только научному сообществу, но и тем общественно или личностно значимым событиям, в которых он участвовал. Иначе говоря, потребность в идентификации обусловлена желанием подчеркнуть свою индивидуальность за счет расширения идентифицирующих дескрипций, которые материализованы в различных свидетельствах.

Вся предыдущая история изучения феномена идентичности в социальных науках демонстрирует нацеленность на нее как преимущественно интериорную сущность, которая реализуется через поведенческие практики в коммуникативных пространствах. Различают идентичность коллективную (терри-

ториальную, политическую, национальную, конфессиональную, профессиональную, гендерную, гражданскую и т.д.) и индивидуальную, личностную. Понятие идентичности связывают со становлением понятия «индивидуальное» в различных дисциплинарных контекстах, а также с конституированием в европейской традиции дискурсов «различия», «инаковости», «аутентичности» и «Другого» [2. С. 382]. Поначалу различные дисциплинарные понимания идентичности в неклассической логике, в постнеклассической философии и в социогуманитарном знании (социология, антропология, психология) с конца 1960-х гг. практически объединились в постструктуралистско-постмодернистской практике в единое универсальное понятие [3. С. 139].

Немецкий философ Герман Люббе, говоря о природе индивидуальности, полагает, что «смысл определения историй как процессов индивидуализации систем можно заострить и усилить путем различения числовой и исторической индивидуальности» [4. С. 108]. Числовой индивидуальностью обладают объекты технических серий, их различают с помощью символов, имен или номеров. Административная регистрация граждан также является числовой индивидуальностью. По мнению Люббе, «именно истории позволяют идентифицировать любые системы» (технические, биологические, социальные), установить их историческую индивидуальность [4. С. 109]. «Истории» могут быть закреплены в артефактах: царапинах на автомобиле, наградах, сувенирах и документах.

Люббе рассмотрел процесс обретения исторической индивидуальности (идентичности) как артефактуальную деятельность. Он отметил небывалый всплеск историзма в современном мире, который выражен в беспрецедентной по размаху и интенсивности культуре историографического изображения собственной и чужой идентичности, в музейной деятельности. Историзм современного общества связан, по его мнению, с реакцией на динамичный рост знания, рост «реликтов цивилизации», когда под грузом новизны возникает дискомфорт восприятия действительности. Общество, как и отдельный человек, реагирует на ускорение прогресса своеобразным отторжением нового, консервативно. Отсюда расцвет архивно-музейной культуры, охрана памятников старины как поиск компенсации цивилизационной динамике: «С помощью культивирования музейных ценностей люди стремятся сохранить свою идентичность, генетически прослеживая связь истока с современностью. Таким образом, историческое сознание реально компенсирует издержки и нагрузки прогресса...» [5. С. 90].

В то же время очевидно, что историческую идентичность нельзя объяснить только компенсаторными механизмами адаптации к цивилизационной динамике: индивид является актором своей истории, ее творцом. И он находит выход в идентификации своей личности в истории через определенный набор артефактов, которые надеется передать будущему в качестве исторических источников. Он стремится «попасть в историю», выполняет определенную миссию, связанную с осознанием непреходящей ценности его исторической индивидуальности. Биографические нарративы, истории как «замещение» ушедших идентичностей возникают на реальных артефактах, аккумулированных в различных хранилищах, в том числе в архивах.

Итак, истории помогают понять уникальность идентичностей. Как полагал Ф. Анкерсмит, «...в нашем мире свойство конкретной вещи быть индивидуальной является, по-видимому, необходимой предпосылкой ее истории» [6. С. 169]. Но индивиды стремятся обнародовать свои истории не просто рассказывая их, а подтверждая отсылкой к артефактам, архивным документам, памятным сувенирам, фотографиям, видео- и аудиозаписям. Поскольку действующий субъект (в нашем случае ученый) историчен, опирается в подтверждении идентичности на весь свой прошлый опыт, он путем архивации подтверждающих дескрипций пытается сохранить связь между прошлым и будущим. Сохраняя артефакты, пригодные для будущего рассказа, нарративной истории, он формирует и поддерживает культуру будущего историографического описания не только собственной, но и коллективной идентичности, той референтной группы, с которой он психологически себя связывал, которая влияла на формирование его социальных установок и ценностных ориентаций.

Поскольку осмыслению в качестве идентифицирующих сущностей подвергаются архивы ученых, рассмотрим их назначение как составляющей инфраструктуры этой профессиональной референтной группы, части наследия ее интеллектуальной культуры. Теория референтной группы, по отношению к которой происходит самоидентификация индивида, наиболее полно разработана Р.К. Мертном [7]. Именно в референтной группе проявляется определенный конформизм индивида, формируются модели референтно-группового поведения. Поскольку правила поведения в референтной группе предписывают определенные нормы профессиональной рефлексии, индивид воспринимает их, чтобы реализовать свой потенциал в конкретном интерсубъективном пространстве. Научный персональный архив в таком случае является результатом профессиональной рефлексии интеллектуалов, отражением их истории, выраженной в материальном режиме. И хотя, как правило, фондообразователь конкретизирован, известно его имя, архив по своему содержанию часто выходит за рамки персональной идентичности.

Ориентация индивида на ценности и нормы референтной группы может быть артикулирована и как адаптационный механизм, посредством которого индивид входит в конкретное социально-культурное пространство. В этом случае реализуется стратегия использования всех средств социально-культурного окружения для более комфортного существования индивида. По мнению А.Я. Флиера, «человек нуждается в групповой форме жизнедеятельности как более надежной, в самоидентификации с данной группой – ощущении себя неотъемлемой частью коллектива, номинальным совладельцем коллективной собственности, а главное, существом, социально востребованным и одобряемым этим коллективом» [8. С. 201]. Адаптационные возможности идентификации позволяют сохранить индивидуальность в социуме за счет накопления и использования эмпирического опыта, переходящего в рациональное действие [9. С. 176]. В определенных обстоятельствах формируются устойчивые социально-профессиональные формы рационального действия и достижения результатов, например научные школы, которые могут играть роль адаптационных инкубаторов для вновь инкорпорированных индивидов.

Еще более глубокие уровни культурно-антропологической динамики идентичности прослежены А.А. Пилипенко с позиции смыслогенетической теории [10. С. 147]¹. Он подверг анализу явление участия как экзистенциального психического состояния, в котором «сознание ситуативно переживает свою слитность (нераздельность) с чем-либо изначально ему иноположенным» [9. С. 150]. Исследуя типологию participatory ситуаций, ученый акцентирует внимание на participatory привязанности к вещам как экзистенциальном явлении [10. С. 158–161]. На наш взгляд, именно приращение вещам значимых для индивида смыслов заставляет людей определенного склада, уровня образования и социального статуса от экзистенциально ориентированного «природнения» переходить к осознанной артефактуальной деятельности, конструированию материальной среды, закрепляющей идентичность в вещах (артефактах). В таком случае идентичность уже не только интериорный социокультурный атрибут, но и феномен, имеющий выход в материальный, семантический мир.

Идентификация актуализируется как процесс приобретения и смены идентичности, как способ социального бытия. Что же происходит в процессе идентификации ученого в нашем случае, посредством формирования его архива? Происходит постепенное «замещение» субъекта (или вмещающего его коллектива) артефактом. Следом запускается механизм перехода к историческому нарративу, который может быть порожден в отсутствие субъекта-фондообразователя. Это делает возможным возникновение исторической дисциплины – биографики, если мы задались целью написать биографию или шире – историю науки, если архив принадлежит ученому. Собственно, реализуется та программа, которая была «запущена» с момента формирования архива, программа его нарративации.

Проанализируем коротко конкретные архивные собрания, чтобы выявить степень понимания индивидом его историчности и идентификации с научным сообществом. Один из критериев – полнота архива. В статье будут представлены архивы, с которыми автору пришлось работать последние 15 лет.

Первым по времени авторского анализа и публикации был архив академика Андрея Петровича Ершова (1931–1988)², математика и программиста, потомственного ученого (его дед по материнской линии Ф.И. Успенский (1845–1928) – ординарный академик Российской академии наук, историк), ученика А.А. Ляпунова. Архив А.П. Ершова – обширный корпус документов, датирующийся 1940–1980-ми гг. Уникальность этого собрания состоит в том, что в него вложены артефакты, не только связанные с событиями биографии фондообразователя, но и практически всей истории становления и развития программирования в СССР. Произошло это благодаря тому, что А.П. Ершов интуитивно осознал новационность происходящего в формировании науки, возникновении ее новой отрасли, дисциплины и практики программирования, идентифицировал себя как актора этого процесса, задался целью документировать происходящее и в этом преуспел.

---

¹ Автор не разделяет некоторых положений теории, в частности в той части, где А.А. Пилипенко утверждает, что культура не решает адаптационных задач человека, хотя она и охватывает его надбиологические проявления. Целеполагание культуры как субъекта также подвергается мною сомнению.

² URL: <http://ershov.iis.nsk.su> (дата обращения: 01.04.2015).

Историчность своей деятельности Ершов осознавал постоянно, архив стал его *alter ego*. В нем практически нет лакун: особенно тщательно Ершов формировал переписку, откладывая в архиве копии всех своих писем, что в комплексе с письмами адресатов позволяет входить в проблематику программирования через эпистолярное наследие. В самом начале своей карьеры заведующего отделом программирования Института математики с Вычислительным центром СО АН СССР в Новосибирске А.П. Ершов вел дневник, который является уникальным документом своего времени. Ершов был не только творцом, но и аналитиком программирования, его перу принадлежит ряд работ по истории науки [11]. Поскольку Ершов занимал руководящую должность, имел высокие академические звания, он имел возможность переложить часть архивной работы на своих секретарей, хотя сам всегда держал в поле зрения эту работу. Архив А.П. Ершова – яркое свидетельство того, что его автор понимал смысл своей архивной деятельности, видел назначение корпуса документов, который он сформировал в фиксации изменений культурного опыта, под влиянием технологических изменений.

Партиципативные смыслы приданы, по меньшей мере, одной коллекции данного корпуса документов, а именно коллекции театральных программ и билетов, сохранившихся с 1947 г., когда Андрей Ершов был по комсомольской путевке послан в Москву на празднование 30-й годовщины Октябрьской революции в сопровождении своего отца.

Следующий персональный архив принадлежит члену-корреспонденту АН СССР Алексею Андреевичу Ляпунову (1911–1973)¹. Математик, сын математика А.Н. Ляпунова, ученик академика Н.Н. Лузина, он был активным сторонником кибернетики, организовал в 1956 г. в МГУ междисциплинарный семинар по кибернетике. В 1962 г. А.А. Ляпунов переехал в Новосибирск, где возглавил отдел кибернетики в Институте математики СО АН СССР, был научным руководителем Физико-математической школы НГУ. В 1996 г. награжден медалью *Computer Pioneer*. К сожалению, архив А.А. Ляпунова в настоящее время утратил свою целостность, надеемся, не навсегда. Часть фонда хранится у его дочери доктора биологических наук Н.А. Ляпуновой в Москве. Эта часть оцифрована, размещена в открытом доступе. Другая часть передана в Архив РАН, куда публичный доступ ограничен. Одной из особенностей данного архива является практическое отсутствие той части переписки, которая исходила от Ляпунова, поскольку он не дублировал свои письма. Это серьезный пробел, который невозможно восстановить. Особо нужно отметить коллекцию писем времен Великой Отечественной войны, которая представляет собой документальное свидетельство напряженной рефлексии человека, оказавшегося в поиске своей идентичности гражданина и ученого в условиях экстремального контекста.

Документы с партиципативными интенциями в этом архиве – письма отца Алексея Андреевича – Андрея Николаевича, относящиеся к периоду младенчества Алексея Андреевича, – выражение трогательной заботы о сыне, а также программа занятий по математике, составленная для А.А. Ляпунова Н.Н. Лузиным, который стал наставником для молодого ученого, покинувшего университет по идейным соображениям.

¹ URL: <http://odasib.ru> (дата обращения: 01.04.2015).

Архив физика-теоретика Юрия Борисовича Румера (1901–1985) не был сформирован им самим во всей полноте нашего представления об этом феномене. На это обстоятельство повлияло два фактора. Первый: идентификация Ю.Б. Румера как ученого произошла не сразу: в годы учебы в МГУ (1918–1924) и некоторое время после окончания университета (1924–1928) он был далек от науки, несмотря на то, что имел глубокие познания в математике. Второй: арест и практическая изоляция от общества в 1938–1948 гг. не способствовали накоплению артефактов. Погибли и его библиотека, а у него была хорошая библиотека, разграбленная после его ареста, и переписка 1930-х гг., конфискованная при аресте. Архив Ю.Б. Румера сформирован коллективными усилиями на основе материалов более чем десяти хранилищ и наиболее полно представлен в цифровом формате¹. Такой широкий подход к формированию данного архива был обусловлен необходимостью поиска идентифицирующих дескрипций при реконструкции и демифологизации персональной истории Румера, составленной им и его биографами на базе историографии и источников на момент его жизни [12. С. 6–30].

Итак, архивы ученых как феномен интеллектуального сообщества представляют собой дискурсивный канал между индивидом и его идентичностью. Архивы позволяют особенно четко понять смысл процессов индивидуализации, поскольку именно они закладывают возможность увидеть уникальность исторической индивидуальности в совокупности идентифицирующих дескрипций. Тем не менее нарративы, созданные на основе этих архивов разными исследователями, будут отличаться друг от друга. Значит ли это, что мы получим несколько идентичностей? На это ли рассчитывал фондообразователь, тщательно укладывая документы в папку? Несмотря на физическую уникальность фондообразователя, артефакты полны скрытых смыслов, видимых одними и не замеченных другими биографами, поскольку даже при жизни у каждого индивида есть несколько «версий» самого себя. Поэтому при создании биографии, конструировании нарративного субъекта различие будет касаться акцентов, расставленных при прочтении смыслов, которые индивид придавал артефактам. Личностная идентичность, базирующаяся на единстве имени и персональной истории, послужит основанием для создания нарративного субъекта.

И последнее. Архив как проявление идентичности существует в историческом времени на материальных носителях. В последнее время все большую актуальность приобретают скрытые архивы, архивы, хранящиеся на электронных носителях, в чем есть риск их полной утраты после ухода индивид-фондообразователя (виртуализация деятельности). Последний как будто уже не заботится о своей истории и своем «нарративном бытии». Необходимо задуматься, имеем ли мы дело с атрофией идентичности или переходом ее в иное состояние, нами пока не осознанное? Имеем ли мы дело с реакцией на динамику цивилизации, когда индивид не успевает задуматься о вечном, находясь в плену скоростей? Приведет ли это к новым типам идентичности как в экзистенциальном, так и в материальном режимах?

Обращение к интериорному феномену идентичности в его проявлениях экзистенциальной и социально-дисциплинарной природы – личностном

---

¹ URL: <http://odasib.ru> (дата обращения: 01.04.2015).

и профессиональном, прослеженному через экстериорный феномен персональных архивов ученых, выводит исследование на уровень соотношения материального и экзистенциального. Если верна идея формирования архива как собрания идентифицирующих дескрипций, то можно предположить, что будет верна и обратная процедура: на основе понимания смыслов, которые индивид придавал артефактам, осуществить поиск выхода в историческую ретроспективу. Это, в свою очередь, приводит к реализации исследовательской практики «возрождения» индивида через артефакты его архива. Архива, соотнесенного с реальной социокультурной практикой уже не аутентичного, а нарративного субъекта, конструирование которого является задачей исторической биографии.

Литература

1. Асман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. Абушенко В.Л. Идентичность // Всемирная энциклопедия. Философия / гл. ред. А.А. Грицанов. Москва; Минск, 2001. С. 382.
3. Абушенко В.Л. Проблема идентичностей: специфика культур-философского и культур-социологического видения // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 128–146.
4. Люббе Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 108–109.
5. Плотников С.Н. Реабилитация историзма: Философские исследования Германа Любе // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 87–93.
6. Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков / пер. с англ.; под науч. ред. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
7. Мертон Роберт К. К теории референтно-группового поведения / пер. с англ. В.Ф. Чесноковой // Референтная группа и социальная структура / под ред. С.А. Белановского. М., 1991. С. 3–105.
8. Флиер А.Я. Культурология для культурологов. М.: Академический проект, 2000. С. 201.
9. Орлова Э.А. Концепции идентификации/идентичности: антропологическая трактовка // Вопросы социальной теории. 2011. Т. 5. С. 170–192.
10. Пилипенко А.А. Идентичность: смыслогенетические основания // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 147–170.
11. Ершов А.П. Становление программирования в СССР : Начальное развитие / А.П. Ершов, М.Р. Шура-Бура. Новосибирск, 1976. 49 с. (Препр. / АН СССР. Сиб. отд-ние: ВЦ; № 12).
12. Крайнева И.А. Электронная историческая фактография: от создания архива к его научной интерпретации (на основе архива Ю.Б. Румера). Новосибирск : Препринт ИСИ СО РАН, № 177. 2015. 84 с.

Krayneva Irina A. VLSI CAD Laboratory, Institute of Informatics Systems, SB RAS, Novosibirsk, Russia. E-mail: cora@iis.nsk.su DOI 10.17223/22220836/18/17

A SCHOLAR'S PERSONAL ARCHIVE AS A HISTORICAL IDENTITY PHENOMENON

Key words: identity, participation, adaptation, personal archive, narrative agent.

Lately, the theory of modern culture has given much attention to the transformation of national, local and individual memory. In this connection, the issue of archives as cultural phenomena and memory storage, on the one hand, and means of memory regulation and legalization and of oblivion, on the other hand, is becoming topical. A greater control over archives contradicts the tasks of historical science, aiming to comprehend the past drawing on a wide range of sources. This paper deals with scholars' personal archives created in the last century. Its creators expected that these documents would be preserved and studied; moreover, they put their own meanings in them and attributed the implications we should read.

The paper considers the mechanism of making scholars' personal archives as a manifestation of historical identity. Creation of archives by scholars is qualified as a need for social, cultural and professional identification. It is attributed to the desire to emphasize individuality at the expense of expanding the identifying descriptions, which are materialized in a variety of evidence.

Since the historicity of agents can be translated by means of narratives, they are created by the individuals themselves or by their biographers on the basis of historical sources an archive comprises. The examination of using the archives revealed a way to historical studies and allowed the researchers to trace “replacing” an individual with the artifacts from his/her archive. At this stage, a narrative agent is constructed using the method of biographical research and reading the meanings the individual has put into his/her collection of artifacts, an archive.

The interior phenomenon of identity in its manifestations of existential and social-disciplinary nature – personal and professional – has been traced through the exterior phenomenon of scholars’ personal archives. This will allow us to combine the studies into various problems of personal identity, including identifying an individual with a certain reference group, which shows in forming criterion behavior within the group. A factor of such criterion behavior is the creation of a personal archive – a body of artifacts associated with a specific professional activity. In addition, the activity-presentational approach takes you into a historical retrospective, replacing an individual connected reflexively with a certain reference group with the artifacts of its archive – an archive related to the real social and cultural practices not of the authentic but of a narrative agent whose construction is the purpose of the biographics.

References

1. Asman A. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. M.: No-voye literaturnoye obozreniye, 2014. 328 s.
2. Abushenko V.L. Identichnost' // Vsemirnaya entsiklopediya. Filosofiya / gl. red. A.A. Gritsa-nov. M.-Mn., 2001. S. 382.
3. Abushenko V.L. Problema identichnostey: spetsifika kul'tur-filosofskogo i kul'tur-sotsiologicheskogo videniya // Voprosy sotsial'noy teorii, 2010. T. 4. S. 128–146.
4. Lyubbe G. Istoricheskaya identichnost' // Voprosy filosofii. 1994. № 4. S. 108–109.
5. Plotnikov S.N. Reabilitatsiya istorizma. Filosofskiye issledovaniya Germana Lyubbe. Voprosy filosofii, 1994. № 4. S. 87–93.
6. Ankersmit F. Narrativnaya logika. Semanticheskiy analiz yazyka istorikov / per. s angl; pod nauch. red. L.B. Makeyevoy. M.: Ideya-Press, 2003. 360 s.
7. Merton Robert K. K teorii referentno-grupпового povedeniya / per. s angl. V.F. Chesnokovoy // Referentnaya gruppa i sotsial'naya struktura / pod red. S.A. Belanovskogo. M., 1991. S. 3–105.
8. Fliyer A.YA. Kul'turologiya dlya kul'turologov. M.: Akademicheskii proyekt, 2000. S. 201.
9. Orlova E.A. Kontseptsii identifikatsii/identichnosti: antropologicheskaya traktovka // Voprosy sotsial'noy teorii, 2011. T. 5. S. 170–192.
10. Pilipenko A.A. Identichnost': smyslogeneticheskiye osnovaniya // Voprosy sotsial'noy teorii, 2010. T. 4. S. 147–170.
11. Yershov A.P. Stanovleniye programmirovaniya v SSSR : Nachal'noye razvitiye / A.P. Yer-shov, M.R. Shura-Bura. Novosibirsk, 1976. 49 s. (Prepr./ AN SSSR. Sib. otd-niye: VTS; № 12).
12. Krayneva I.A. Elektronnaya istoricheskaya faktografiya: ot sozdaniya arkhiva k yego nauch-noy interpretatsii (na osnove arkhiva YU.B. Rumera). Novosibirsk : Preprint ISI SO RAN, № 177. 2015. 84 s.